

Она не успела пролежать и трех минут, как телефон начал вибрировать. Взглянув на экран, она приняла вызов:

— Что случилось?

Из трубки слышался бодрый мужской голос:

— Ну что за тон, госпожа Ся? Неужели я не могу позвонить просто поболтать?

В его правильной литературной речи отчетливо проскальзывал характерный приморский акцент.

— Если ничего срочного, я вешаю трубку, — отрезала Ся Гуан.

— Нет-нет-нет! Срочное, самое что ни на есть срочное! — тон собеседника стал серьезнее, а голос — тише. — Кажется, сегодня утром я видел Чжан Цяна.

У Ся Гуан в голове словно что-то гулко ударило.

— Ты уверен, что не ошибся?

— Я просмотрел ту запись с камер наблюдения сотни, если не тысячи раз. За двадцать лет человек может измениться до неузнаваемости, но его хромоту не спрячешь.

Ся Гуан хотела что-то ответить, но Фан Яншэн перебил её:

— Знаю, ты сейчас скажешь, что хромых на свете много. Но я сейчас скину тебе фотографии — увидишь и всё поймешь.

Фан Яншэн отключился. Через полминуты пришло сообщение в WeChat. Ся Гуан открыла файл, и от одного взгляда на фото кровь прилила к голове — её едва не повело от головокружения.

На снимке, сделанном скрытой камерой в каком-то убогом магазинчике, был запечатлен пожилой мужчина: круглое лицо, лысина, огромное родимое пятно на лбу, кожа да кости. В правой руке он держал пакет с яблоками, а при ходьбе заметно заваливался на левый бок — нога явно была повреждена.

Это постаревшее лицо сквозь два десятилетия наложилось на образ того среднего возраста мужчины из старой видеозаписи.

Ся Гуан: «...»

— Да, кстати, я ведь так и не спросил: как вас вообще угораздило отправиться на гору Тайшань?

Ся Гуан внезапно перехватило горло:

— Прости за беспокойство, Да Ян.

Двадцать лет назад её отец в нетрезвом виде насмерть сбил человека, и с тех пор этот отец с сыном уволились и исчезли.

Она достала из холодильника бутылку газировки, открыла её и, сделав глоток, произнесла:

— Мы ездили на церемонию Фэншань.

Каждый раз, когда Ся Гуан с абсолютно серьезным лицом несла чушь, Фан Яншэн чувствовал себя так, будто его заморозило ультимейтом Ван Чжаоцзюнь.

— Я немедленно беру билет и вылетаю.

— Ой, да брось ты, чего мы церемонимся, — отмахнулся Фан Яншэн, но через три секунды сменил тон: — Но вот то, что вы с Юцзы приехали в Шаньдун и не связались со мной — это вы, конечно, свиньи.

— Да ладно тебе, — продолжила Ся Гуан. — Ты хоть представляешь, насколько отсталые здесь деревни? Полно народу, кто и девятилетку не окончил. В целой деревне мужиков, которые смогли жениться, по пальцам пересчитать. А ты хочешь, чтобы такая красавица, как я, тут ошивалась? Сиди уж лучше в Ханчжоу. А я всё равно без дела, буду и дальше караулить у этого магазина. Как что узнаю — сразу дам знать.

Ся Гуан перезвонила Фан Яншэну:

— Ты знаешь, где он сейчас живет?

Фан Яншэн: «...»

Она и подумать не могла, что они уехали в Шаньдун.

— Не знаю, — ответил Фан Яншэн. — Но где-то поблизости.

Ся Гуан:

— С чего ты взял?

Ах да, она забыла, что этот тип по фамилии Сун даже если споткнется о камень, обязательно выложит об этом пост.

Она узнала его. Его звали Чжан Цян, когда-то он работал охранником на фабрике её отца. У него был сын Чжан Улинь, который по рекомендации отца стал водителем.

— Поездка была спонтанной. После восхождения на Тайшань сил не было даже дышать, не то что развлекаться, — Ся Гуан перевернулась на диване и направилась к холодильнику.

На том конце послышался щелчок зажигалки, и Фан Яншэн выпустил дым:

— У меня чутье, как у небожителя.

Ладно, сегодня она готова простить ему всё это позерство.

Ей не хотелось рассказывать о странных выходках Сун Шую, но, допив воду, она внезапно спросила:

— Ты бывал в Тэнчэне?

Фан Яншэн призадумался:

— Нет, не доводилось. Это место далековато от меня. А почему спрашиваешь?

— Да просто так, услышала от кого-то, стало любопытно.

— Если любопытно — выбери время и съезди. На севере полно хороших мест, — сказал Фан Яншэн. — Но вот на Тайшань вам лучшешний раз не соваться.

— Почему? — Ся Гуан усмехнулась. — Ты тоже считаешь Тайань городом призраков?

— При чем тут Тайань? Просто на горе Тайшань слишком много храмов. Люди с судьбой «служителя богов» могут там приглянуться высшим силам, и их заберут. Вы, конечно, не из таких, но всё же лучше не рисковать, — Фан Яншэн говорил с таким видом, будто это была чистая правда.

Этот странноватый парень в три года переболел тяжелой болезнью. Его мать, по совету знающих людей, решила, что у него «слабая судьба» и нехватка стихии дерева, из-за чего он был болезненным ребенком. Чтобы спасти сына, она притащила его к старому тополю на заднем дворе и заставила трижды поклониться до земли, сделав дерево его крестным отцом-защитником, а заодно и переименовала в «Яншэна» — «Рожденного тополем».

Конечно, всё это он узнал позже от матери. С самого детства он жил и учился в Ханчжоу, и в

его памяти не было никаких старых тополей — только прозрачные воды Сиху и гора Баоши, на которую опускался закат.

Если бы не родня, настаивавшая на возвращении к корням, он, возможно, так и остался бы в Ханчжоу: после работы заходил бы в лапшичную за порцией пян-чуань, наевшись до отвала, гулял бы вокруг Сиху, а устав, нагло заваливался бы к госпоже Ся, чтобы отдохнуть, почитать книги и утащить в карман мандарин.

Вот это и была жизнь, о которой он мечтал.

— Судьба служителя богов — это еще что за зверь? — заинтересовалась Ся Гуан.

— Ну, если буквально, — ответил Фан Яншэн, — это когда небожители спускаются в мир искупить грехи. Им нельзя посещать места с сильной энергетикой, вроде храмов, иначе их могут «призвать» обратно.

— Бред, — отрезала Ся Гуан.

— Я сначала тоже так думал. А потом разговорился с одним знакомым даосом, и он сказал: такие люди действительно существуют, но крайне редко. А все те, кто кричит на каждом углу, что каждый десятый — «служитель», просто разводят на деньги. Настоящую судьбу служителя богов изменить невозможно.

Ся Гуан усмехнулась, не скрывая скепсиса:

— Ну и расскажи тогда, как выглядят эти «настоящие служители».

На том конце снова щелкнула зажигалка, и Фан Яншэн лениво произнес:

— Красивые, рождаются либо в богатых домах, либо в нищете. В детстве много бед, часто умирают рано. Даже если доживут до совершеннолетия, редко перешагивают порог в двадцать лет. Подумать только, как человек может тягаться с небесами?

Ся Гуан слушала внимательно, хотя в душе по-прежнему считала всё это чушью.

Когда она закончила разговор, уже совсем стемнело. Она достала из холодильника салат и грибной соус, сварила лапшу, полила соусом и добавила пару листиков зелени — ужин был готов.

Она уже хотела включить проектор и посмотреть фильм, как вдруг раздался видеозвонок, заставший её врасплох. На экране появилось лицо, похожее на перевернутую пивную бутылку.

— Сестренка Гуан, занята?

«Пивная бутылка» говорил, судя по всему, на ходу. Картинка дрожала, а из-за неудачного ракурса лампа дневного света над его головой выглядела как нимб святой.

— Говори быстрее, — раздраженно бросила она.

«Пивная бутылка» почесал голову:

— В общем, сценарий, который ты мне прислала, после того как мы сняли короткий ролик, стал вирусным. Плюс девятьсот тысяч подписчиков за два дня, все требуют продолжения...

— К делу.

— Наши сценаристы не могут написать продолжение!

Ся Гуан сразу поняла, к чему он клонит, и, не задумываясь, отрезала:

— Писать не буду.

Ху Мяо, «пивная бутылка», был готов расплакаться. Если считать по годам, эта девушка была на три года младше его, но, стоило ему увидеть её лицо, как он невольно начинал называть её сестрой.

Пять лет назад, когда её книга «Офисный центр смерти» сметалась с прилавков, она приняла решение, повергшее всех в шок: вложила треть гонорара в акции нескольких медиакомпаний Ханчжоу.

«Цюйго» Ху Мяо была одной из них.

— Ты не можешь бросить нас на полпути! — владелец компании ростом метр восемьдесят и весом восемьдесят килограммов начал канючить. — Сестренка Гуан, умоляю! Напиши еще одну серию, всего одну! Ты же знаешь, у нас сейчас ребрендинг, нам срочно нужен крутой IP-проект, который будет приносить деньги. Не волнуйся, я выкуплю сценариста Чжу Идани, тебе вообще ничего делать не придется, просто жди конца года и считай прибыль!

Ся Гуан, устав слушать его болтовню, перебила:

— Отключайся. Завтра утром пришло.

— Есть, сестренка Гуан! Обожаю тебя, чмок!

Ся Гуан нажала на отбой.

А в это время Ху Мяо, воспрянув духом, поднял голову и обнаружил, что сотрудники смотрят на него с остекленевшими глазами. В офисе воцарилась странная тишина.

Ху Мяо упер руки в бока:

— Чего уставились? Мужика в жизни не видели, который умеет просить?!

Этой ночью, когда Ся Гуан сохранила документ, на часах было уже 23:30. Она отправила файл через десктопную версию WeChat, вышла из системы и выключила компьютер.

На тумбочке стоял флакон мелатонина. После душа она по привычке выпила воды и запила ею таблетку.

Врачи говорили, что пора завязывать, иначе возникнет зависимость, да и сны станут слишком яркими. Зависимость уже была — в Тайвань она уехала в спешке и не взяла лекарство, и за те две ночи успела прочувствовать всё на себе.

Но для Ся Гуан, которая зарабатывала на жизнь воображением, сны были бесплатным источником вдохновения. Она боялась лишь одного — бессонницы. Когда человек не спит, он начинает слишком много думать, а она ненавидела, когда воспоминания захлестывали её.

Она высушила волосы, закрыла дверь спальни, плотно задернула шторы, чтобы в комнате не осталось ни лучика света.

Кондиционер был настроен на 26 градусов — самое то для тонкого одеяла.

Ся Гуан расслабилась, и вскоре сон накрыл её, словно приливная волна.

Во сне всё вокруг было белым-бело, словно в тумане. Она шла без цели, пока туман не рассеялся, и она не обнаружила себя в кабинете своего старого дома — того, где жила до семи лет.

На диване сидел мужчина — стройный, молодой.

Она не видела его лица, но знала, кто это. Даже во сне горло сжало от спазма.

— Папа!

Маленькая девочка пробежала сквозь неё и бросилась мужчине на шею. В руках у неё была толстая книга «Тысяча и одна ночь», а волосы — такие же кудрявые, как у отца.

— Папа, ты не закончил прошлую историю! Расскажи дальше!

Голос мужчины был нежным и терпеливым:

— Хорошо, папа продолжит. На чем мы остановились? Ах да, на том, как Али-Баба обнаружил, что его брата убили разбойники...

Ся Гуан слушала молча. Сцена сна потекла, как вода, и мужчина с девочкой исчезли. Она прошла через тихую гостиную к двери, открыла её — и её ослепили вспышки камер.

Полиция уводила отца, на его руках были наручники.

Ся Гуан охватила паника. Она бросилась вперед, крича во сне изо всех сил:

— Папа!

Мужчина обернулся и посмотрел на неё — всё такой же мягкий и интеллигентный:

— Сяо Гуан, не бойся. Как только дочитаешь все истории в книге, папа вернется.

Тело резко дернулось вниз, и Ся Гуан проснулась от ночного кошмара. Лицо было мокрым — она вся была в слезах.

Взглянула на телефон: было всего два часа ночи.

Она села, откинувшись на подушки, и ждала, пока дыхание выровняется.

— Лжец.

<http://bllate.org/book/22326/2338462>